

УДК: 94 “15/18”

ББК: 63.3(4)53 (Мак)

А43

DOI: 10.18688/aa200–7–70

Н. С. Гусев

Македонский вопрос в освещении сербской и болгарской пропаганды в России в конце XIX — начале XX века¹

Порядок на Балканах, построенный на основе Берлинского трактата 1878 г., имел под собой шаткое основание. Освободившиеся из-под власти султана государства открыто претендовали на оставшиеся в Европе османские владения, нередко соперничая друг с другом. И у всех притязания распространялись на сердцевину полуострова — македонские земли. В то же время было очевидно, что великие державы не позволяли балканским народам самим определить свое будущее. В этой связи особое значение приобретала внешнеполитическая пропаганда, нацеленная на формирование представлений о правах того или иного государства на спорные земли. Россия же считалась покровительницей славянских народов Балкан, и ей уделялось особое место в обосновании собственных требований.

В самой России после 1878 г. постепенно «открывали» Македонию, поскольку до того сведения о ней были отрывочны, и их основными источниками являлись труд В. И. Григоровича, иностранные наблюдения и карты. Уже в 1879 г., словно на злобу дня, публикуются путевые заметки архимандрита Антонина (Капустина), в основе которых лежало путешествие 1865 г. По ним русский читатель мог представить, что же за земли отторгли у Болгарии по Берлинскому трактату. Хотя стиль повествования, совмещающий учёность и религиозность, не был рассчитан на широкую публику, становилось понятным главное: Македония — это страна, «где всё было множество раз наслоено, взрыто и перерыто, и всё перековеркано справа налево, спереди на зад, и сверху вниз»². Впрочем, и приведённая информация устарела — после 1878 г. регион превратился в арену культурной, а нередко и вооружённой борьбы соседних государств. А потому вскоре в Македонию потянулись журналисты, учёные и даже добровольцы, сражавшиеся в рядах местных четников против турецких властей. В 1912–1913 гг. Болгария, Сербия, Греция и Черногория совместно нанесли поражение Османской империи. Однако за Первой балканской войной последовала Вторая — союзники не сумели договориться о разделе Македонии. Указанные события лишь усилили интерес русского

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00294) в филиале ЦНИИП Минстроя России «Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства».

² Антонин [Капустин А. И.]. Поездка в Румелию. — СПб., 1879. — С. 251.

общества к Балканам и увеличили количество публикаций, посвящённых македонскому вопросу. Статьи и книги, дополняемые печатными трудами российских консулов, рисовали весьма противоречивую картину, из которой было сложно понять, кем же населён полуостров и чьи права на него более обоснованы.

Изучение этого массива источников, как и самой македонской проблемы, в отечественной исторической науке началось недавно, поскольку в Советском Союзе тематика находилась под табу в силу нежелания ввязываться в болгаро-югославский спор [3]. В 1990-е гг. стали появляться работы по македонскому вопросу, а его отражение в русской науке и публицистике в период между Берлинским трактатом 1878 г. и Бухарестским миром 1913 г. рассматривалось отечественными учёными А. Н. Сквозниковым, Н. А. Учаевой, М. Л. Ямбаевым [20; 28; 29], их украинской коллегой В. А. Бурбыгой [2], болгарскими историками Й. Йоловым и С. Германовым [10; 4], македонскими Цв. Станоевским и Г. Тодоровским [21; 26].

В то же время исследователей интересовали мнения русских наблюдателей, а активность самих балканских народов в стремлении доказать русскому обществу свои права на Македонию оставалась несколько в стороне. По данному вопросу специальных работ ощутимо меньше. На материалах периода Балканских войн 1912–1913 гг. к теме обращался Н. С. Гусев [6], в Болгарии в целом внешнеполитическую пропаганду рассматривал И. Илчев, приведя немного материала касаясь России [9], в Сербии же исследователей больше занимает пропаганда в европейских странах [8; 27]. В самой Македонии и в годы вхождения в Югославию, и в эпоху независимости данная тема вызывала особое внимание, поскольку именно на рубеже XIX–XX вв. формировалась национальная интеллигенция, провозвестившая миру о существовании отдельного македонского народа. Наибольшую же активность она проявляла в России, и к столетию одесского журнала «Вардар» — попытки освещать македонский вопрос с македонской точки зрения — была проведена совместная российско-македонская конференция³. С разной степенью объективности к указанной теме обращались Р. Терзиоски [21], П. Стоянов [22] и Б. Ристовски [18]. Главным объектом их исследований являлась деятельность македонской колонии в Петербурге, а сербская и болгарская агитации в России остались малоизученными. Им и посвящена данная статья.

В первую очередь стоит отметить, что каналами донесения нужной точки зрения до русского общества могли послужить сами его представители. Путешествуя по Македонии, они так или иначе оказывались под воздействием своих сербских или болгарских сопровождающих. Назойливых сербских попутчиков вспоминал военный востоковед П. А. Риттих, впрочем, ему это не помешало сделать самостоятельные заключения о ситуации в регионе⁴. В то же время Б. Л. Тагеев, отправившийся в Македонию на излёте Илинденского восстания 1903 г., полностью попал под влияние позиций одной из болгарских организаций и ретранслировал русскому обществу историю македонского освободительного движения не просто с проболгарских позиций, а ещё и в интерпрета-

³ Россия и Македония: от прошлого к будущему. К 100-летию журнала «Вардар» (1905) / Отв. ред. К. В. Никифоров. — М., 2008.

⁴ Риттих П. А. По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. — СПб., 1909.

ции близкого к официальной Софии Верховного македонско-одринского комитета⁵. Прекрасно осознававшие возможность манипуляции болгары и сербы ревниво следили за успехами друг друга. Так, когда в начале XX в. российский филолог Е. В. Петухов отправился в путешествие по Балканам для знакомства с этнографией и историей полуострова, болгарский дипломатический представитель в Белграде М. Георгиев просил министра просвещения приложить все усилия для теплого приёма исследователя. И выразил опасение, что сербы, выделившие в сопровождение Е. В. Петухову своего учёного, «сумеют представить искажённую информацию о некоторых вопросах, а особенно — о Македонии». В Софии отреагировали на этот запрос и отправили в компанию российскому филологу профессора И. Шишманова [9, с. 349–350].

«Правильное» сопровождение должно было внушить путешественнику ту или иную точку зрения на этнический характер народонаселения, двумя основными компонентами которого рассматривались язык и самосознание. Болгарам в этом плане было намного легче, поскольку значительная часть населения себя считала болгарами или являлась паствой болгарского экзархата. Об этом писало большинство учёных и публицистов, доводом в пользу болгарских претензий служил проект Сан-Стефанской Болгарии. Указанные факторы обусловили пассивную позицию Софии в деле внешнеполитической агитации по македонскому вопросу — казалось, что её проводниками невольно будут все побывавшие в этих землях.

Сербам же приходилось подстраиваться под ситуацию и братья за самостоятельное распространение нужной точки зрения о Македонии и её жителях. Как отметил современный сербский исследователь С. Терзич, в Белграде недооценивали роль общественного мнения в формировании позиций государств по международным вопросам, и до начала 1890-х гг. было мало опубликовано работ, которые «информировали бы зарубежную публику о сербах и их национальных стремлениях на Балканах» [24, с. 120]. Однако более точным рубежом представляется 1885 г. Его в таком качестве указал ещё в 1899 г. П. Н. Милюков, глубоко погружённый в споры о Македонии. Присоединение к вассальному болгарскому княжеству автономной провинции Восточная Румелия показало возможность аналогичной судьбы и третьей части Сан-Стефанской Болгарии. Вооружённым путём умерить пыл Софии не удалось, и началась активизация Белграда на македонском направлении. Выросло количество сербской литературы, «имеющей целью доказать, что Македония населена сербской национальностью», появились ответные болгарские публикации, и обе стороны не ограничились «взаимной полемикой», а обратились к европейскому общественному мнению⁶.

В России первым развёрнутым произведением, выражавшим сербскую точку зрения, стал подготовленный российским дипломатом, бывшим консулом в Призрене И. С. Ястребовым сборник «Обычаи и песни турецких сербов в Призрене, Ипеке, Мораве и Дибре». На первых же страницах автор указал, что в том числе и в «Скопльском, Велесском, Прилепском, Битольском и Охридском уездах» говорят на «славя-

⁵ Наиболее ярко это представлено в следующей части его публикации: *Тегеев Б. Л.* Из македонских воспоминаний русского добровольца // *Русский вестник*. — № 4. — 1904.

⁶ *Милюков П.* Сербско-болгарские отношения по македонскому вопросу // *Сборник журнала «Русское богатство»* / Ред. *Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко*. — СПб., 1899. — С. 280.

но-сербском наречии», соблюдают обряд Слава, а последнего «уже достаточно, чтобы славян этих пределов причислить к чисто сербской народности»⁷. Включённые в книгу песни, напечатанные сербской графикой, вызвали дискуссию насчёт их языка. В неё оперативно включился уроженец Болгарии профессор Харьковского университета М. С. Дринов. В «Известиях Славянского благотворительного общества» он с научной точки зрения развернуто раскритиковал труд и указал на его схожесть с сербскими пропагандистскими публикациями⁸. В 1889 г. вышло переиздание книги И. С. Ястребова, которое сопровождалось предисловием, носящим характер политического памфлета, и содержало дополнения, сразу же вызвавшие критику [19, с. 12]⁹. Переубедить публику это произведение не могло, но заложило основу будущей дискуссии.

В 1889 г. в Петербурге был опубликован труд, ставший болгарским вкладом в развернувшуюся дискуссию. Его автором являлся историк, юрист и государственный деятель С. Бобчев, в основе книги лежали статьи, ранее вышедшие на страницах газеты «Варшавский дневник». По словам С. Бобчева, переиздание казалось ему «не лишним», поскольку македонский вопрос «принимает с каждым днём более обостряющийся характер»¹⁰.

Эта книга уже содержала основные элементы всех будущих полемических произведений на эту тему. Неотъемлемыми атрибутами были: указание на собственную объективность¹¹, почему следовало пожурить и собственных ультрапатриотов; напоминание, что любые внутриславянские споры лишь на пользу «швабам» и «австро-мадьярам»¹²; перечисление авторитетов, поддерживавших нужную точку зрения¹³; и опора на какую-то книгу, написанную на родине, которую после лёгкой критики автор фактически пересказывал. С. Бобчев в этой роли использовал изданный в Пловдиве на французском языке труд дипломата А. Шопова¹⁴, расценённый современниками как официальная пропагандистская позиция Болгарии¹⁵.

Затем наступило некоторое затишье, вызванное, по всей видимости, внутригосударственными проблемами в Сербии и Болгарии, и лишь в 1899 г., через десять лет после оригинала, вышел перевод книги австрийского публициста сербского происхождения С. Гопчевича, уверявшего, что в Македонии и болгар-то нет, а всё заселено чистыми

⁷ *Ястребов И. С.* Обычаи и песни турецких сербов (в Призрене, Ипеке, Мораве и Дибре). Из путевых записок. — СПб., 1886. — С. 1–2.

⁸ *Дринов М. С.* Несколько слов об языке, народных песнях и обычаях дебрских славян // Съчинения М. С. Дринова. — Т. II. — София, 1911. — С. 370–371.

⁹ Отметим, что незадолго до этого в своих донесениях И. С. Ястребов предлагал внушать населению Македонии «через имеющих под рукой приверженных лиц надежду на соединение с Болгариею, которая рано или поздно должна состоять из теперешнего княжества, Румелии и Македонии» [19, с. 14].

¹⁰ *Бобчев С. С.* Письма о Македонии и македонском вопросе. — СПб., 1889. — С. 2.

¹¹ Там же. С. 41.

¹² Там же. С. 6, 42.

¹³ Там же. С. 5, 22.

¹⁴ *Ofeicoff.* La Macédoine au point de vue ethnographique, historique et littéraire. — Philippopoli, 1887.

¹⁵ Экземпляр книги был разослан во все дипломатические представительства в Константинополе, сербская дипломатия стала спешно готовить ответ [22, с. 116]. Книга распространялась по довольно низкой цене, очевидно ниже себестоимости, это наводило современников на мысли о государственном финансировании издания (*Риттих П. А.* По Балканам... С. 221).

сербами¹⁶. Впрочем, это произведение уже отстало от пропагандистской стратегии Белграда. Там, поняв бесперспективность попытки уверить европейскую общественность в том, что в Македонии живут сербы, решили хотя бы доказать, что население спорных территорий не болгары. Благодаря усилиям дипломата С. Новаковича ставка была сделана на выходцев из региона, настаивавших на этнической самобытности Македонии. Однако возник ряд проблем. Во-первых, такая постановка вопроса не устраивала сербских ультрапатриотов, к тому же негативно сказывалась на попытке объяснить народу необходимость в будущем с оружием в руках выступить на защиту иноплеменников. Во-вторых, сами македонцы не желали становиться послушным орудием в руках Белграда и начали вести деятельность, действительно нацеленную на культурное развитие македонского народа. В итоге к 1903 г. в Сербии отказались от этой идеи [13, с. 26–28]. В России данный этап пропаганды не имел серьёзного воплощения. Но нельзя было и вернуться к прежнему постулату.

К тому моменту в русском публичном пространстве утвердилось мнение, высказанное ещё в книге С. Бобчева: «Сербо-болгарский спор о Македонии не существует в самой Македонии, где о сербах нет помину. Этот вопрос поднят тенденциозно и с исключительно политической целью коноводами и завзятыми публицистами из сербов». По его же словам, те, кто именовал себя македонцами, получали сербские деньги¹⁷. В пользу болгарского характера жителей спорных земель публично выступали П. Н. Милюков, А. А. Башмаков, Н. Р. Овсянный [2, с. 14], П. А. Кулаковский¹⁸ и другие. А в 1900 г. в Софии вышла книга бывшего директора болгарской гимназии в Салониках В. Кынчова. Согласно его труду, в Македонии имелись лишь сербы, недавно переселившиеся из других регионов Балкан, и «сербоманы» — поддавшиеся пропаганде вlahи и болгары, по языку и обычаям не отличающиеся от болгар¹⁹. Снабжённое научным аппаратом и всеми атрибутами серьёзного исследования произведение получило широкое распространение, в том числе в России, и способствовало укреплению болгарских позиций в споре.

Тогда в Белграде сделали ставку на другую стратегию — доказательство того, что Македонию населяет этнически не определившееся славянское население, и в будущем благодаря пропаганде и культурному влиянию оно может стать как болгарским, так и сербским. Дело упрощалось тем, что такую точку зрения высказали посетившие регион русские публицисты А. В. Амфитеатров²⁰ и П. А. Риттих²¹, её придерживались российские консулы в Македонии [20, с. 124, 138–139]. К тому же в России общество порядком устало от постоянного кровопролития в этих провинциях Турции, и даже звучали голоса, призывавшие «запретить болгарам и сербам принимать близко к сердцу» происходящее там²².

¹⁶ Гопчевич С. Старая Сербия и Македония. — СПб., 1899.

¹⁷ Бобчев С. С. Письма о Македонии... С. 41–42. Это, впрочем, не было далеко от истины, хотя и не всегда являлось определяющим фактором. Будущие главные идеологи македонизма К. Мисирков и Д. Чуповски откровенно признавали финансовую помощь Сербии на начальном этапе их деятельности [13, с. 34].

¹⁸ Кулаковский П. А. Из поездки по Болгарии // Московские ведомости. — 1899. 13 декабря. — С. 2.

¹⁹ Кынчов В. Македония. Етнография и статистика. — София, 1996. — С. 123.

²⁰ Амфитеатров А. В. Балканские впечатления. Страна раздора. — СПб., 1903. — С. 15, 17.

²¹ Риттих П. А. По Балканам... С. 141.

²² Хроника. — Иностранное обозрение // Вестник Европы. — Т. 6. — 1902. — С. 400.

Первым сербским произведением нового этапа пропаганды в России стали книги белградского профессора Й. Цвичича, опубликованные в Петербурге в 1906 г. Одна из них имела научный характер²³, вторая же — популярный²⁴. Начинал автор ни много ни мало как с отрицания всего сложившегося представления о Македонии: «Совершенно ошибочны этнографические карты и статистические таблицы, в которых резюмированы наблюдения и воззрения. Я уверен, что все ныне господствующие мнения относительно македонских славян основаны на заблуждениях»²⁵. После приведения многочисленных доводов в пользу своей точки зрения, разбора всех существующих этнографических карт Й. Цвичич повторял тезис, размещённый на первых страницах книг, — «народная масса» македонских славян не имеет «определённой национальной краски», и в ней невозможно выделить сербов и болгар²⁶.

Вскоре последовавшая аннексия Боснии и Герцеговины переключила внимание сербской пропаганды на рассказ об этих землях. С началом Балканских войн лейтмотивом стало присоединение Старой Сербии и Албании. После же создания по воле великих держав албанского государства, что лишало Белград выхода к морю, сербы вернулись к идее присоединения Македонии. В 1912–1913 гг. на русское общество обрушился ворох книг о Балканах и балканских проблемах, и среди них был ряд написанных сербами по подданству или происхождению и разъясняющих их точку зрения на раздел спорных земель. В издательстве «Нового времени» под псевдонимом *Balkanicus* вышли: книга сербского министра внутренних дел Стояна Протича, труд профессора А. Белича, доклад российского журналиста уроженца Боки Которской И. П. Табурно, брошюра сербского консула в Приштине М. Г. Милоевича. Переводивший её на русский язык российский общественный деятель сербского происхождения Д. И. Семиз летом 1913 г. совместно с белградским професором М. Вукичевичем опубликовал книгу, где пристрастно сравнивал сербский и болгарский пути к свободе.

Болгарская пропагандистская машина долго молчала и только весной 1913 г. ответила воззванием собственной Академии наук. Ссылаясь на подготовленную российскими учёными «Энциклопедию славянской филологии», БАН указывала на преобладание болгарского элемента в Македонии. На это Белград отреагировал заявлением собственной Академии, согласно которому наука должна находиться в стороне от политики²⁷. В Петербурге в Обществе славянского научного единения состоялось обсуждение этого обмена мнениями. Здесь присутствовали давно пребывавшие в российской столице сербские представители, и по большому счёту впервые публично выступил представитель болгарской стороны. Им являлся незадолго до того приехавший в Петербург вышеупомянутый И. Шишманов. На защиту позиции официальной Софии встал и будущий советский академик Н. С. Державин. Однако дискуссия при-

²³ Цвичич Й. Заметки по этнографии македонских славян. — СПб., 1906.

²⁴ Цвичич Й. Македонские славяне. Этнографические исследования. — СПб., 1906.

²⁵ Цвичич Й. Заметки... С. 6.

²⁶ Там же. С. 7, 58; Цвичич Й. Македонские славяне... С. 3, 52.

²⁷ Сербо-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. — Пг., 1915. — Приложения. С. 1–5.

брела скандальный характер, болгарские сторонники покинули заседание, и заявление общества было принято без них. Н. С. Державин вскоре написал книгу о македонском вопросе, но долго не мог издать её и сумел это осуществить лишь на средства болгарского правительства. Впрочем, книга запоздала — за её написание Н. С. Державин сел после Второй балканской войны, самым тривиальным способом решившей македонский вопрос в пользу сербов [7, с. 159–160].

Болгарская пропаганда в силу позднего начала свелась фактически к обороне. Сербы же продолжали завоевывать новых сторонников, во многом благодаря своей способности подстраиваться под сложившуюся ситуацию. В пропаганде Белграда в 1913 г. начался новый, четвёртый, этап. В тот момент к этническим и историческим добавились новые аргументы: «жизненные интересы» Сербии, заключающиеся в транспортном коридоре по Вардару к порту Салоник, право пролитой крови при освобождении этих земель, а в качестве обоснования не соблюдать болгаро-сербский договор о разделе завоеваний — изменения, вызванные созданием Албании и лишением сербов необходимого выхода к Адриатике [6, с. 78–81].

Однако это не значило, что были отброшены прежние аргументы. Если они показывали свою состоятельность, то продолжали использоваться. Трактовка этнической принадлежности славянского населения Османской империи в 1906–1913 гг. не менялась, хотя и выражалась разными словами. К примеру, в 1906 г. Й. Цвиич именовал македонское население «колеблющейся народной массой»²⁸, а М. Г. Милоевич в 1913 г. — «славянскими массами — столь же болгарскими, сколь и сербскими»²⁹. Со ссылками на российских и зарубежных учёных представители Белграда подчёркивали, что далеко не все славяне на этих территориях болгары³⁰, и «даже лучшие знатоки и авторитеты науки среди этнографов и историков» не в силах точно установить этнические границы³¹. Болгарский экзархат, по словам защитников сербской точки зрения, создавался как общеславянский, потому не может служить аргументом в пользу прав Софии. Самоназвание населения («бугари») объяснялось желанием жителей не выглядеть в глазах турок бунтовщиками, синонимом чего якобы являлись сербы³². Длительное пестование этих идей если и не привело к их полному принятию общественностью, то как минимум посеяло в умах зерна сомнений в непоколебимости болгарских доводов.

В силу своей убедительности продолжал использоваться ещё один аргумент сербской пропаганды, и он, будучи выдвинут ещё на первых её этапах, сохранялся в неизменном виде. Им являлось историческое право.

Для того чтобы понять дискуссию об исторических правах болгар и сербов, необходимо сделать краткий экскурс в средневековую историю Македонии. В начале VI в.

²⁸ Цвиич Й. Заметки... С. 7.

²⁹ Милоевич М. Г. Равновесие на Балканах. — СПб., 1913. — С. 27; Табурно И. П. Вопрос о распределении завоёванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. — СПб., 1913. — С. 3.

³⁰ *Balkanicus*. Сербь и болгарь в Балканской войне. — СПб., 1913. — С. 30; Белич А. Сербь и болгарь в Балканском союзе. — СПб., 1913. — С. 39.

³¹ Милоевич М. Г. Равновесие... С. 13; Белич А. Сербь и болгарь... С. 7.

³² Цвиич Й. Заметки... С. 7; Цвиич Й. Македонские славяне... С. 31; Белич А. Сербь и болгарь... С. 40, 72–75; Табурно И. П. Вопрос о распределении... С. 10.

славяне начали проникать в эту часть Византийской империи и через несколько десятилетий перешли к её массовому заселению. Около середины IX в. Болгария под руководством хана Бориса установила над ней контроль. Произошедшее при том же правителе крещение страны одним из своих последствий имело приглашение гонимых учеников Кирилла и Мефодия, двое из которых, Климент и Наум, свою церковную и переводческую деятельность осуществляли в Охриде и его окрестностях. Во второй половине X в. бóльшая часть Болгарии оказалась под властью Константинополя, и лишь на территории современной Македонии под руководством сына болгарского наместника Самуила продолжалось сопротивление. В 997 г., после смерти в византийском плену последнего представителя болгарской царской династии, Самуил сам принял титул царя болгар. Однако в 1014 г. поражение у горы Беласицы подорвало силы государства, и в 1018 г. Византия окончательно поглотила соперника. В XII в. болгарское государство возродилось, Македония входила в его состав полтора десятилетия (1230–1246 гг.) при царе Иване Асене II, остальное время являясь ареной противостояния наследников империи ромеев. В 1282 г. окрепшая Сербия овладела северной частью данных земель вместе со Скопье, а в 1330 г. разбила болгар у Вельбужда и под руководством Стефана Душана Сильного утвердила своё доминирование на полуострове. В последующие десятилетия вся Македония покорилась Неманичам, в 1346 г. в Скопье Стефан Душан был провозглашён царём сербов и греков. Однако после его смерти держава распалась на независимые государства, вскоре покорённые османами [14, с. 32–53].

В целом перечисленные исторические факты в конце XIX — начале XX в. сербы и болгары не оспаривали. Расхождения могли касаться мелких деталей, как, например, болгарскими или сербскими современники именовали осколки царства Стефана Душана³³. Но суть заключалась в расстановке акцентов.

Указанное царство Душана Сильного и Косовская битва 1389 г. являлись основами сербской исторической политики. Память о них занимала немалое место в воспитании детей и государственной риторике [5, с. 30; 1, с. 92]. Но Косовская битва напоминала о сакральности Старой Сербии и носила мотив отмщения, а вот пределы Душанова государства могли рассматриваться как платформа для экспансии. Недаром о нём упоминалось в так называемом «Начертании» Илии Гарашанина, программе внешней политики Сербии, составленной в 1844 г., хотя и неизвестной широкой публике до 1906 г. [17, с. 237]. Мобилизованное сербское средневековье стало в том числе инструментом внешнеполитической агитации.

В случае ведения её на поле русского общественного мнения логика выглядела следующим образом. Признавая, что болгары первыми завоевали Македонию, А. Белич нивелировал значение этого тем, что тогда «государства не имели того государственно-политического характера, какой они получили позже, когда стали культурнее»³⁴. Й. Цвиич же утверждал, что держава Неманичей была «по организации совершеннее

³³ Цвиич Й. Заметки... С. 26; Цвиич Й. Македонские славяне... С. 30; Державин Н. С. Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. — СПб., 1914. — С. 66.

³⁴ Белич А. Сербы и болгары... С. 34.

и по культуре выше». И в подтверждение этих слов сербские пропагандисты приводили оставшиеся в Македонии многочисленные памятники культуры, в основном — архитектурные, что и определяло главенствующее право Белграда на приобретение спорной территории³⁵.

В данном случае сербские пропагандисты часто ссылались на непоколебимый авторитет — результаты экспедиции Н. П. Кондакова в эти земли. Впрочем, книгу знаменитого историка культуры они цитировали и признавали удачной лишь в отдельных местах. По словам А. Белича, в области современного положения региона Н. П. Кондаков являлся «не только не специалистом, но вообще очень плохо осведомлённым лицом»³⁶. Такая оценка объяснялась заключениями отечественного учёного насчёт этнического характера Македонии — его он считал безусловно болгарским³⁷, а изображение населения региона в виде «помеси всевозможных рас, своего рода хаоса» трактовал как сербские инсинуации³⁸. Справедливости ради надо признать, что на взгляды Н. П. Кондакова мог оказать влияние сопровождавший его в экспедиции П. Н. Милюков. Последнего, в своё время жившего и работавшего в Софии, нередко обвиняли в пристрастии к Болгарии, а сербы во время Балканских войн прямо называли своим врагом [25, с. 108–111].

Вторым результатом глубокого исторического влияния на Македонию представители Белграда называли народные эпические сказания, в которых отсутствовали болгарские исторические персонажи, а сербские были широко представлены, и в первую очередь — последний правитель Прилепского королевства Марко Мрнявчевич³⁹. Здесь сербы также пользовались возможностью сослаться на русского учёного — П. Д. Драганова и строки из его удостоенного серебряной медали Российского географического общества «Македонского сборника»: «Прежде всего, резко бросается в глаза тот факт, что среди этих царей, королей, воевод, юнаков и проч. то и дело фигурируют самые дорогие лица и достопамятные события средней, новой и даже новейшей сербской истории»⁴⁰.

Болгарская агитация к дебрям истории апеллировала мало, в её основе лежала освободительная борьба XIX в., мнения путешественников и этнографов⁴¹. Причины этого стоит усматривать в том, что средневековая история в самой стране не пользовалась особой популярностью. В школьном воспитании не было мотива восстановления древних царств, доминировала идея освобождения «несчастной Македонии», которую населяли братья-болгары, представавшие в образе мучеников [11, с. 236–241]. Потому обширный исторический экскурс Н. С. Державина, целиком построенный

³⁵ Цвиич Й. Заметки... С. 19; Цвиич Й. Македонские славяне... С. 23; Белич А. Сербь и болгары... С. 39, 64, 66, 70; *Valkanicus*. Сербь и болгары... С. 33; Вукичевич М. М., Семиз Д. И. Сербь и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г. — СПб., 1913. — С. 7. Также о развитии этого мотива в сербском обществе в XX–XXI вв. см. в [16].

³⁶ Белич А. Сербь и болгары... С. 66.

³⁷ Кондаков Н. П. Македония. Археологическое путешествие. — СПб., 1909. — С. 23, 53, 294.

³⁸ Там же. С. 292.

³⁹ Белич А. Сербь и болгары... С. 48–49; Сербо-болгарский спор... С. 51; Роганович И. П. «Македонский вопрос» на почве его истории, этнографии и политики. — Казань, 1900. — С. 45.

⁴⁰ Драганов П. Д. Македонско-славянский сборник с приложением словаря. — Вып. 1. — М., 1894. — С. VIII.

⁴¹ Бобчев С. С. Письма о Македонии... С. 70.

на «Истории Болгарии» А. Л. Погодина⁴², стоит рассматривать лишь как ответ на сербскую интерпретацию истории Балкан. На доводы о культурном влиянии возразить по существу и вовсе было нечего. С. Бобчев писал, что, по сербской логике, Белград может выдвигать претензии на многие населенные пункты Балкан, ведь «какой-нибудь король сербский заезжал туда или же строил церковь»⁴³. И. Шишманов подчёркивал кратковременность вхождения Македонии в державу Стефана Душана, рассказывал о возможностях миграции эпоса и заявлял о строительстве средневековых храмов силами местных македонских болгар⁴⁴. Н. С. Державин же вспоминал Кирилла и Мефодия, их учеников и цитировал те места книги Н. П. Кондакова, о которых сербы старались умолчать⁴⁵. Тем временем в самой Македонии сторонники присоединения к Болгарии рассказывали русскому добровольцу, что болгары в отличие от сербов не поэтичны, потому и нет их эпических сказаний в Македонии⁴⁶, а представители болгарской экзархии старательно уничтожали сербские следы на средневековых памятниках. Отметивший такой случай в монастыре Святого Афанасия в Лешаке русский путешественник объяснял подобные действия тем, что и сербы, и болгары стремятся показать иностранцам исторические памятники своего народа «и смотрят на это дело как на божественное право их современных притязаний»⁴⁷.

Тем не менее в сербской исторической пропаганде имелось уязвимое место — труды ультрапатриотов, чьи заявления находились на грани разумного, а иногда и переходили за неё. Так, Н. С. Державин в своём труде сначала подробно и издевательски разбирал вышедшую в Белграде книгу М. Й. Андоновича «Македонцы — славяне-сербы»⁴⁸. В ней, в частности, рассказывалось об упоминаниях сербов на Балканах у Геродота, о том, что Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность на основании сербских говоров и т. д.⁴⁹. В результате затем представленная более взвешенная точка зрения сторонников Белграда уже выглядела менее обоснованной. Дабы таким образом не подставляться под удар критиков сербские власти и отбирали на место пропагандистов учёных⁵⁰. Те если и высказывали патриотические взгляды на историю, то делали

⁴² Погодин А. Л. История Болгарии. — СПб., 1900.

⁴³ Бобчев С. С. Письма о Македонии... С. 46.

⁴⁴ Сербско-болгарский спор... С. 77. Об интерпретации средневековых болгарских архитектурных памятников в том числе и на территории современной Северной Македонии в болгарской науке см. в [15].

⁴⁵ Державин Н. С. Болгаро-сербские взаимоотношения... С. 32, 47, 49, 52, 117–119.

⁴⁶ Тагеев Б. Л. Из македонских воспоминаний русского добровольца // Русский вестник. — № 5. — 1904. — С. 179.

⁴⁷ Риттих П. А. По Балканам... С. 140, 175.

⁴⁸ Андонович М. Ј. Македонски су Словени Срби. — Београд, 1913.

⁴⁹ Державин Н. С. Болгаро-сербские взаимоотношения... С. 17.

⁵⁰ Все же у русской публики имелась возможность ознакомиться с трактовкой истории, проповедуемой сербскими ультрапатриотами. Один из подобных трудов был издан в России, автором его являлся активный публицист из Казани, судя по всему, черногорского происхождения — И. Роганович (Роганович И. П. «Македонский вопрос»...). Утверждалось, что в Македонии живут сербы, причём с давних времен. Уже в III в.н.э. они первыми из славян поселились на Балканах, а «при царе Юстиниане (по-славянски Управда) многие греко-римские легионы имели во главе вождей сербов по национальности» (с. 36). В подобном духе освещая македонский вопрос, Й. Роганович, естественно, упоминал о восстановлении царства Стефана Душана, но делал неожиданный вывод. Наследником

это с оговорками. Так, Й. Цвиич писал, что, «может быть, и какое-нибудь сербское племя» первым заселило Македонию, и тут же уточнял — лингвистические исследования делают это вероятным, но «нет доказательств в писанных памятниках»⁵¹.

Накануне присоединения Македонии к Сербии свою далёкую от общепринятой трактовку истории Балкан предложили и сторонники существования отдельного македонского народа. До Балканских войн толком организовать свою агитацию у них не получалось, попытка К. Мисиркова издавать журнал «Вардар» в Одессе в 1905 г. потерпела неудачу. Но в 1912 г. поставленный ребром македонский вопрос обострил интерес российского общества, и кружок выходцев из этих земель начал свою активную деятельность. Они публиковались в газетах, принимали участие в различных мероприятиях и собраниях. Н. Димов в Славянском благотворительном обществе в Петербурге прочёл лекцию о прошлом Македонии, а затем издал текст в виде отдельной брошюры, правда, не замеченной публикой. Его брат Д. Чуповски в апреле 1913 г. обратился к более широкой аудитории посредством газеты «Славянин», в которой изложил новое видение истории Балкан. «Македонские славяне поселились в пределах теперешней Македонии ещё в первых веках христианской эры, т.е. тогда, когда о болгарях ещё история мало знала, а сербов ещё не было на Балканском полуострове», — писал патриот своего народа и указывал «золотой век» средневековой Македонии — «царствование царя Самуила (X–XI вв.)», когда греки, сербы и болгары «были составными частями македонского царства» [18, с. 85–86]. Тогда, конечно, в России никто всерьёз не воспринял последнюю идею. Но, как известно, она стала одной из основ современной македонской исторической мифологии, а в связи с тысячелетием битвы при Беласице в Болгарии и Македонии был осуществлён ряд публичных действий, нацеленных на доказательство своих прав на государство Самуила [12, с. 14–17]. Как отмечает современный отечественный исследователь, в перспективе Северная Македония будет стремиться включить в собственный национальный пантеон и Стефана Душана [12, с. 18]. И спустя век на Балканах пересказывают средневековую историю, ставя в ней акценты таким образом, чтобы обосновать свои права на земли⁵².

Итоговое решение сербско-болгарского спора было принято в результате прямого вооруженного столкновения. Летом 1913 г. болгары попытались выбить из Македонии сербские и греческие войска, но потерпели неудачу. Вдобавок против Болгарии двинули свои армии Румыния и Османская империя. Вторая балканская война стала для страны первой национальной катастрофой — в её состав вошла лишь небольшая, Пиринская, часть Македонии. Остальное разделили сербы и греки.

средневековой державы он называл Черногорию, сохраняющую с 634 г. свою государственность, а потому и Старую Сербию, и Македонию следовало передать под скипетр черногорского князя (с. 28–31). Однако изданная в провинции книга, видимо, не получила широкого распространения, поскольку на неё не последовало реакции.

⁵¹ Цвиич Й. Заметки... С. 42.

⁵² Отметим, что продолжением этой сербской пропаганды можно считать и книгу бывшего посла Сербии в РФ С. Терзича [24]. В ней он повторил и критический разбор карт XIX в. (с. 22–31), и тезис о культурном влиянии сербов на Македонию (с. 38), высоко оценил концепцию Й. Цвиича о населении спорных земель (с. 125).

Может показаться, что вся сербско-болгарская дискуссия не имела смысла — все решило оружие, а не этнографические, исторические и иные аргументы. Однако именно сербская пропаганда, которая подстраивалась под ситуацию и прошла четыре стадии развития, позволила русскому обществу смириться с такой судьбой Македонии. Болгарское нападение 16 июня 1913 г. лишь усилило симпатии русских к сербам и узаконило приобретение спорных земель. А потому летом 1914 г. сербский народ мог предстать славянским мучеником, на которого обрушилась мощь Австро-Венгерской империи.

С высоты сегодняшнего дня все конструкции болгарских и сербских пропагандистов выглядят абстракцией. Насильственное воспитание из «аморфной славянской массы» сербов не дало результатов, и сейчас существование македонской нации не вызывает сомнений. Однако мотив исторического права, опора на средневековую историю в своих действиях или притязаниях и ныне присутствуют в жизни Балкан. Причём практически в не изменившемся более чем за столетие виде.

Литература

1. Белов М. В. Актуальность героического прошлого: история и политика в предвоенной Сербии // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). — М.: ИСЛ РАН, 2012. — С. 92–101.
2. Бурбига В. А. Македонские питання в російському слов'язознавстві та публіцистиці (1893–1912 рр.): автореф. дис... к.и.н. — Харків, 1997. — 19 с.
3. Валева Е. Л., Исаева О. Н. Македонистика в СССР: к истории политических табу // Россия (СССР) и Македония: история, политика, культура. 1944–1991 гг. — М.: ИСЛ РАН, 2013. — С. 141–158.
4. Германов С. Руски пътешественици, учени и общественици за Македония от XVII век до 1912 г. // Исследования по македонския въпрос. — София: МНИ, 1993. — Кн. 1. — С. 237–274.
5. Гришина Р. П., Шемякин А. Л. Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX — начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012. — М.: ИСЛ РАН, 2014. — С. 22–64.
6. Гусев Н. С. Болгария и Сербия в 1912–1913 гг.: соперничество за статус «любимца» России на Балканах // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. — М.; СПб.: Нестор-История, 2017. — С. 67–90.
7. Гусев Н. С. Публичная деятельность Н. С. Державина по македонскому вопросу в 1912–1915 гг. // Дриновский сборник / Дриновски збірник. 2019. — Т. XII. — С. 156–164.
8. Екмечић М. Ратни циљеви Србије 1914. — Београд: Филип Вишњић, 2014. — 528 с.
9. Илчев И. Родина та ми — права или не! Външнополитическа пропаганда на балканските страни 1821–1923. — София: Св. Климент Охридски, 1995. — 593 с.
10. Йолов И. Руски автори за България и Сърбия в македонския конфликт 1885–1917 г. — София: Българска духовност, 1999. — 138 с.
11. Кайчев Н. Македонийо, възжелана... Армията, училището и градежът на нацията в Сърбия и България (1878–1912). — София: Парадигма, 2003. — 308 с.
12. Колосков Е. А. «Македонское царство»: спор о праве на средневековую историю между Македонией и Болгарией // Славянский альманах. 2018. — Вып. 3–4. — С. 11–23. DOI: 10.31168/2073–5731.2018.1–2.1.01
13. Лабаури Д. О. Идеология македонизма в 1886–1903 годах // Славяноведение. — 2005. — № 3. — С. 22–37.
14. Лукин П. Е., Сафонов А. А. В сердце Балкан: Очерки истории Македонии (с древнейшего времени до начала XXI века). — М.: Индрик, 2018. — 192 с.
15. Мальцева С. В. Церковная архитектура Первого Болгарского царства: исследования и исследователи // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. — Вып. 9 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — МГУ имени М. В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2019. — С. 350–365. DOI: 10.18688/aa199–2–31

16. Михайлова А. А. Чёрно-белые воспоминания о Старой Сербии: К информативной ценности архивных фотографий начала XX века // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2020. — № 1. — С. 193–210. DOI: 10.21638/spbu19.2020.110
17. Никифоров К. В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. — М.: Индрик, 2015. — 256 с.
18. Ристовски Б. Димитрий Чуповский и македонское национальное сознание. — М.: Радуга, 1999. — 240 с.
19. Селищев А. М. И. С. Ястребов о Македонии // *Македонски преглед*. — 1931. — Кн. 3. — С. 11–14.
20. Сквозников А. Н. Македония в конце XIX — начале XX века — яблоко раздора на Балканах. — Самара: Самарская гуманитарная академия, 2010. — 172 с.
21. Станоевски Ц. Како ја видоа Македонија. Руски публикации за Македонија 1828–1913. — Скопје: Македонска книга, 1978. — 229 с.
22. Стојанов П. Македонија во времето на Балканските и Првата световна војна (1912–1918). — Скопје: Институт за национална историја, 1969. — 451 с.
23. Терзиоски Р. Некои активности на македонски дејци во Русија за решавање на македонското прашање (1914–1918) // Македонија. Прашања од историјата културата. — Скопје: МАНУ, 1999. — С. 287–301.
24. Терзич С. Старая Сербия (XIX–XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. — М.: Вече, 2015. — 480 с.
25. Тимофеев А. Ю., Живанович М. Можно ли рассматривать доклад Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912–1913 гг. как исторический источник // *Славянский альманах*. — 2017. — Вып. 1–2. — С. 100–120.
26. Тодоровски Г. Влогот на Русија во сестраното расветлување на македонското прашање во XIX–XX век (факти коментари) // Македонија. Прашања од историјата културата. — Скопје: МАНУ, 1999. — С. 75–94.
27. Трговчевић Љ. Научници Србије и стварање југословенске државе 1914–1920. — Београд: Народна книга, 1986. — 358 с.
28. Учаева Н. А. Македонский вопрос в период Балканских войн 1912–1913 гг.: автореф. дис... к.и.н. — Саратов, 2008. — 29 с.
29. Ямбаев М. Л. Российские наблюдатели об этнической принадлежности населения Македонии в конце XIX — начале XX в. // *Человек на Балканах глазами русских*. — СПб.: Алетейя, 2011. — С. 160–168.

Название статьи. Македонский вопрос в освещении сербской и болгарской пропаганды в России в конце XIX — начале XX века

Сведения об авторе. Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, учёный секретарь Института славяноведения РАН, Ленинский пр., д.32-А, Москва, Российская Федерация, 119991. gusevns@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена действиям официальных Белграда и Софии по созданию в России такого представления о Македонии и её жителях, которое доказывало бы их право на присоединение этих территорий. Эти действия начались после 1885 г. и с разной степенью интенсивности продолжались до 1913 г., заключались они в первую очередь в донесении печатным словом нужной точки зрения до русского общества. Болгарская пропаганда занимала пассивную позицию, поскольку являлось устоявшимся мнение, что в Македонии живут болгары. Сербам пришлось быть активнее и учитывать сложившуюся обстановку, потому их пропаганда прошла четыре стадии. На первой доказывалось, что в Македонии живут сербы, а не болгары. На второй ставка делалась на существование отдельного македонского народа. На третьей стадии была выдвинута удачная идея, что на этих землях живёт славянское население, не имеющее чёткой национальной идентификации. На завершающем этапе аргументы были дополнены политическими доводами. При этом на всех стадиях в пропаганде присутствовало историческое право — вхождение Македонии в состав царства Стефана Душана, многочисленные архитектурные памятники времени сербского владычества, сербские герои эпических сказаний македонских славян. Болгарская пропаганда в силу своей безынициативности лишь оборонялась, повторяла прежние тезисы и уступала позиции, а по вопросу исторических прав так и не сумела сформулировать внятного ответа. Но на исходе этой дискуссии появился и македонский взгляд на историю Балкан. В статье болгаро-сербский спор рассматривается в развитии, указываются его основные участники и аргументы сторон.

Ключевые слова: Македония, Болгария, Сербия, Россия, македонский вопрос, пропаганда, историческое право, культурное наследие

Title. The Macedonian Question in the Coverage of Serbian and Bulgarian Propaganda in Russia in the late 19th — early 20th Centuries

Author. Gusev, Nikita Sergeevich — Ph. D., scientific secretary. The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninskii pr., 32-A, 119991 Moscow, Russian Federation. gusevns@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the actions of the officials of Belgrade and Sofia to create in Russia such an image of Macedonia and its inhabitants that would prove their right to join these territories. These actions began after 1885 and continued with varying degrees of intensity until 1913. They consisted of publishing books and articles in Russia that described their point of view. Bulgarian propaganda took a passive position, because there was a well-established opinion that Bulgarians live in Macedonia. The Serbs had to be more active and take into account the situation, so their propaganda went through four stages. At the first stage, they proved that Serbs, not Bulgarians, live in Macedonia. In the second stage, the stake was placed on the existence of a separate Macedonian people. At the third stage, there was a good idea that these lands are inhabited by a Slavic population that does not have a clear national identity. At the final stage, the arguments were supplemented with political arguments. At the same time, at all stages of the propaganda, there was a historical right — the entry of Macedonia into the Kingdom of Stefan Dusan, numerous architectural monuments of the time of Serbian rule, Serbian heroes of epic tales of the Macedonian Slavs. The Bulgarian propaganda, because of its lack of initiative, only defended itself, repeated previous theses and conceded positions, and on the question of historical rights it failed to formulate a clear answer. But at the end of this discussion, there was also a Macedonian view of the history of the Balkans. The article considers the Bulgarian-Serbian dispute in its development, specifies its main participants and arguments of the parties.

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian science Foundation (project no. 20–18–00294) in Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation.

Keywords: Macedonia, Bulgaria, Serbia, Russia, the Macedonian question, propaganda, historical law, cultural heritage

References

Belov M. V. Relevance of the Heroic Past: History and Politics in Pre-War Serbia. *Modernizatsiia vs. voina. Chelovek na Balkanakh nakanune i vo vremya Balkanskikh voin (1912–1913) (Modernization vs. War. Man in the Balkans on the Eve and during the Balkan Wars (1912–1913))*. Moscow, ISI RAN Publ., 2012, pp. 92–101 (in Russian).

Burbiga V. A. *Makedons'ke pitannya v rosiys'komu slov'yanoznavstvi ta publitsistitsi (1893–1912 rr.) (The Macedonian Question in Russian Slavic Studies and Journalism)*, Ph. D. Thesis. Kharkiv, 1997. 19 p. (in Ukrainian).

Valeva E. L.; Isaeva O. N. Macedonistics in the Soviet Union: The History of Political Taboo. *Rossiia (SSSR) i Makedoniia: istoriia, politika, kul'tura. 1944–1991 (Russia (USSR) and Macedonia: History, Policy, Culture 1944–1991)*. Moscow, ISI RAN Publ., 2013, pp. 141–158 (in Russian).

Germanov S. Russian Travelers, Scientists and Public Figures of Macedonia from the 18th Century to 1912. *Izsledvaniya po makedonskiya v'pros (Studies on Macedonian Question)*, vol. 1. Sofia, MNI Publ., 1993, pp. 237–274 (in Bulgarian).

Grishina R. P.; Shemyakin A. L. The Difficult Path to European Civilization: Serbia and Bulgaria in the Late 19th — Early 20th Centuries. Development priorities. *Iz istorii Serbii i rusko-serbskikh sviazei. 1812–1912–2012 (From the History of Russian-Serbian Links. 1812–1912–2012)*. Moscow, ISI RAN Publ., 2014, pp. 22–64 (in Russian).

Gusev N. S. Bulgaria and Serbia in 1912–1913: Rivalry for the Status of Russia's "Favorite" in the Balkans. *Vynuzhdennoe sosledstvo — dobrovol'noe prisposoblenie v diplomaticheskikh i mezhnatsional'nykh otnosheniakh v Tsentral'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evrope XVIII–XXI vv. (Forced Neighborhood — A Voluntary Adaptation in Diplomatic and Interethnic Relations in Central, Eastern and Southeastern Europe of the 18th–21st Centuries)*. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 67–90 (in Russian).

Gusev N. S. Public Activity of N. S. Derzhavin on the Macedonian Question in 1912–1915. *Drinovskii sbornik (Drinovskiy zbirnik)*, 2019, vol. 12, pp. 156–164 (in Russian).

Ekmecic M. *Ratni tsilevi Srbije 1914 (Military Goals of Serbia 1914)*. Belgrade, Filip Vishnjic Publ., 2014. 528 p. (in Serbian).

Ilichev I. *Rodinata mi — prava ili ne! Vⁿshnopoliticheska propaganda na balkanskite strani 1821–1923 (My Country Is Right or Wrong! Foreign Policy Propaganda of the Balkan Countries 1821–1923)*. Sofia, Sv. Kliment Okhridski Publ., 1995. 593 p. (in Bulgarian).

Yolov I. *Ruski avtori za B^lgariya i S^rbiya v makedonskiya konflikt 1885–1917 g. (Russian Writers for Bulgaria and Serbia in the Macedonian Conflict. 1885–1917)*. Sofia, B^lgarska dukhovnost Publ., 1999. 138 p. (in Bulgarian).

Kaychev N. *Makedoniyo, v^zzhelana... Armiyata, uchilishcheto i gradezhⁿt na natsiyata v S^rbiya i B^lgariya (1878–1912) (The Desired Macedonia... Army, School and Graduation of the Nation in Serbia and Bulgaria (1878–1912))*. Sofia, Paradigma Publ., 2003. 308 p. (in Bulgarian).

Koloskov E. A. "Macedonian Kingdom": Dispute over the Right to Medieval History between Macedonia and Bulgaria. *Slavic Almanac*, 2018, vol. 3–4, pp. 11–23. Available at: <http://dx.doi.org/10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.01> (accessed 1 May 2020) (in Russian).

Labauri D. O. The Ideology of Macedonism in 1886–1903. *Slavyanovedenie*, 2005, no. 3, pp. 22–37 (in Russian).

Lukin P. E.; Safonov A. A. *V serdtse Balkan: Ocherki istorii Makedonii (s drevneyshego vremeni do nachala XXI veka) (In the Heart of the Balkans: Essays on the History of Macedonia (from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century))*. Moscow, Indrik Publ., 2018. 192 p. (in Russian).

Maltseva S. V. Ecclesiastic Architecture of the First Bulgarian Kingdom: Researchers and Research. Zakharova A. V.; Maltseva S. V.; Staniukovich-Denisova E. Iu. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 9. Moscow, Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg, NP-Print Publ., 2019, pp. 350–365. Available at: <http://dx.doi.org/10.18688/aa199-2-31> (accessed 1 May 2020) (in Russian).

Mikhaylova A. A. Black and White Memories of Old Serbia: To the Informative Value of Archival Photographs of the Early XX Century. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2020, no 1, pp. 193–210. Available at: <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.110> (accessed 1 August 2020) (in Russian).

Nikiforov K. V. "Nachertanie" Ilii Garashanina i vneshnyaya politika Serbii v 1842–1853 (*The "Inscription" of Ilija Garashanin and the Foreign Policy of Serbia in 1842–1853*). Moscow, Indrik Publ., 2015. 256 p. (in Russian).

Ristovski B. *Dimitriy Chupovskii i makedonskoe natsional'noe soznanie (Dimitri Chupovski and Macedonian National Consciousness)*. Moscow, Raduga Publ., 1999. 240 p. (in Russian).

Selishchev A. M. I. S. Yastrebov about Macedonia. *Makedonski pregled*, 1931, vol. 3, pp. 11–14 (in Russian).

Skvoznikov A. N. *Makedoniia v kontse XIX — nachale XX veka — iabloko razdora na Balkanakh (Macedonia in the Late 19th — Early 20th Century — a Bone of Contention in the Balkans)*. Samara, Samarskaia gumanitarnaia akademiia Publ., 2010. 172 p. (in Russian).

Stanoevski T. *Kako ja vidoa Makedonija. Ruski publikatsii za Makedonija 1828–1913 (How I Saw the Country. Russian Publications on Macedonia, 1828–1913)*. Skopje, Makedonska kniga Publ., 1978. 229 p. (in Macedonian).

Stojanov P. *Makedonija vo vremeto na Balkanskite i Prvata svetovna vojna (1912–1918) (Macedonia in the Balkan and the First World Wars (1912–1918))*. Skopje, Institut za natsionalna istorija Publ., 1969. 451 p. (in Macedonian).

Terzioski R. Some of the Activities of the Macedonian Activists in Russia for the Solution of the Macedonian Question (1914–1918). *Makedonija. Prasanja od istorijata kulturata*. Skopje, MANU Publ., 1999, pp. 287–301 (in Macedonian).

Terzich S. *Staraija Serbiia (XIX–XX vv.). Drama odnoi evropeiskoi tsivilizatsii (Old Serbia (19th–20th Centuries). Drama of a European Civilization)*. Moscow, Veche Publ., 2015. 480 p. (in Russian).

Timofeev A. Yu.; Zhivanovich M. Can We Consider the Report of the Carnegie Commission on the Causes and Conduct of the Balkan Wars of 1912–1913 as a Historical Source. *Slavic Almanac*, 2017, vol. 1–2, pp. 100–120 (in Russian).

Todorovski G. Bet on Russia at the Discussing the Issue in the 19th–20th Centuries (Facts and Comments). *Makedonija. Prasanja od istorijata kulturata*. Skopje, MANU Publ., 1999, pp. 75–94 (in Macedonian).

Trgovcevic L. *Naucnici Srbije i stvaranje jugoslovenske drzave 1914–1920 (Scientists of Serbia in the Creation of the Yugoslav State 1914–1920)*. Belgrade, Narodna kniga Publ., 1986. 358 p. (in Serbian).

Uchaeva N. A. *Makedonskii vopros v period Balkanskikh voyn 1912–1913 gg. (The Macedonian Question during the Balkan Wars of 1912–1913)*, Ph. D. Thesis. Saratov, 2008. 29 p. (in Russian).

Yambaev M. L. Russian Observers on the Ethnic Identity of the Macedonian Population in the Late 19th — Early 20th Centuries. *Chelovek na Balkanakh glazami russkikh (A Man in the Balkans through the Eyes of Russians)*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2011, pp. 160–168 (in Russian).